

Катаев Дмитрий Валентинович

**КОНЦЕПЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ МАКСА ВЕБЕРА И СОВРЕМЕННАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ**

В статье проанализированы общие черты веберовской теории действия и одного из репрезентативных направлений современной экономической социологии - "теории рационального выбора", которые эксплицитно и имплицитно ссылаются на работы немецкого классика. Критически исследована селективная интерпретация веберовской исследовательской программы в экономической социологии. Автор приходит к выводу о необходимости обращения к дуальной концепции рациональности экономического действия в рамках логико-ситуационного анализа экономического действия. С опорой на репрезентативные тексты экономических социологов в статье предпринимается попытка раскрыть и обосновать высокий аналитический потенциал веберовской экономической социологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/2-2/18.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. II. С. 74-78. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

AGREEMENT ON TERMINATION OF CHILD'S RIGHT TO ALIMONY DUE TO TRANSFER OF PROPERTY RIGHT TO REAL ESTATE: NOTARY AND JUDICIAL EXECUTION IN UKRAINE

Aleksandra Aleksandrovna Karmaza, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of Notary and Enforcement Process and Advocacy
Taras Shevchenko National University of Kiev, Ukraine
karmaza_a@mail.ru

The author considers some aspects of the notary and judicial execution of the cases on the termination of a child's right to alimony due to the transfer of property right to dwelling in Ukraine, reveals the problems related to law enforcement practice in the mentioned field, and with the purpose of the protection of a child's right to alimony provides scientific and practical suggestions including those aimed at the improvement of the Ukrainian family legislation in effect.

Key words and phrases: agreement on termination of right to alimony; right to alimony; alimony agreement; right of property; child; dwelling.

УДК 316.2

Социологические науки

В статье проанализированы общие черты веберовской теории действия и одного из репрезентативных направлений современной экономической социологии - «теории рационального выбора», которые эксплицитно и имплицитно ссылаются на работы немецкого классика. Критически исследована селективная интерпретация веберовской исследовательской программы в экономической социологии. Автор приходит к выводу о необходимости обращения к дуальной концепции рациональности экономического действия в рамках логико-ситуационного анализа экономического действия. С опорой на репрезентативные тексты экономических социологов в статье предпринимается попытка раскрыть и обосновать высокий аналитический потенциал веберовской экономической социологии.

Ключевые слова и фразы: социальное действие; рациональность; методологический индивидуализм; рациональный выбор; «понимающая» социология; целерациональное действие; ценностно-рациональное действие; теория рационального выбора.

Дмитрий Валентинович Катаев, к. соц. н., доцент
Кафедра социологии
Липецкий государственный педагогический университет
dmitrikataev@rambler.ru

КОНЦЕПЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ МАКСА ВЕБЕРА И СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ[©]

Проблема соотносительности экономического действия с социальной структурой находится в центре внимания изучения современной экономической социологии. Марк Граннотеттер обозначает данную проблему как «укорененность» экономического действия в социальной системе [3, с. 76]. С точки зрения интерпретации веберовского наследия можно выделить две полярные точки зрения на вклад классика немецкой социологии в решение данной проблемы. С одной стороны, это причисление Макса Вебера теоретиками-экономистами к основоположникам «методологического индивидуализма» (выделение и обособление экономического рационального действия, акцент на социальном действии), с другой - это попытки представителей экономической социологии обосновать социокультурную парадигму изучения экономических феноменов (обусловленность экономического действия социокультурным окружением).

В данной связи представляется актуальным проведение сравнительного анализа веберовской исследовательской программы и одного из репрезентативных направлений экономической социологии - «теории рационального выбора» - с целью выявления путей актуализации веберовского наследия для решения теоретических задач в данной отрасли социологического знания.

Рассмотрение веберовской экономической социологии в русле «теорий рационального выбора» [12; 14] предполагает обращение к таким аспектам творчества немецкого социолога, как «рациональность», «социальное действие» (прежде всего, целерациональное) и «объяснение», которые типологически представлены в 2-х разделах I-й части основополагающего труда «Хозяйство и общество»: Раздел I. «Основные социологические понятия» [20, S. 1-30] и Раздел II. «Основные социологические категории хозяйства» [Ibidem, S. 31-121].

Обращение представителей «теорий рационального выбора» (изначально экономистов, а затем уже и политологов, и социологов) к работам Макса Вебера не случайно и имеет ряд теоретико-методологических оснований.

Во-первых, центральной категорией этого направления выступает концепция рациональности, наиболее развернутое определение которой дал немецкий социолог. При этом примечательным является, что простой количественный подсчет употребления термина *rational* (рациональный) во II Разделе «Основные социологические категории хозяйства» дает нам цифру 232 на 90 страниц текста, то есть 2,57 термина на страницу.

Во-вторых, это – ставшая знаменитой номиналистическая трактовка социологии как науки, которая стремится, истолковывая, понять социальное действие и тем самым причинно объяснить его в протекании и его последствиях [Ibidem, S. 1]. Такое определение социологии интерпретируется З. Норкусом [14, S. 48] (одним из представителей «теории рационального выбора») как модель объяснения микро-макро-микроперехода, а «понятийное истолкование социального действия» идентифицируется в данном случае с реконструкцией субъективной дефиниции ситуации. Отправным пунктом веберовской реконструкции является, следуя его схеме, установленный и значимый для индивидов социальный порядок, на который ориентируется индивид, преследуя свои «идеальные» и «материальные» интересы.

Данный шаг создает предпосылки для объяснения «протекания» социального действия в рамках «логики селекции» на микроуровне [22, S. 55-88]. При этом речь идет о трех социальных механизмах, дающих представление о протекании действия: о ситуационном механизме на макроуровне, показывающем спецификацию индивидуального действия акторов; о механизме генерации действия, предполагающем анализ когнитивных процессов индивидуального действия на микроуровне; и о трансформационном механизме, который направлен на толкование результата перехода индивидуальных действий с микроуровня на макроуровень коллективного взаимодействия [10, p. 127-146].

Примечательным в данной связи является, что М. Вебер постоянно подчеркивает, что не столько взятое само по себе «протекание» действия, а его ориентация и обусловленность социальным порядком являются предметом социологического анализа. Подробную реконструкцию веберовских социологических понятий «понимающей социологии» предпринял немецкий ученый К. Аллербек [7, S. 665-676], которая заслужила высокие оценки таких выдающихся интерпретаторов, как В. Шлюхтер и М. Бадер. Придерживаясь принципа дихотомического деления, К. Аллербек не только систематизировал основные социологические понятия, но и раскрыл механизм интеракции индивида веберовским категориально-понятийным аппаратом на микро- и макроуровне через механизмы координации действия и категории «социальная связь». Во многом эта понятийная стенограмма может рассматриваться как способ решения проблемы перехода от микроуровня к макроуровню, и от макро- к микроуровню как в отраслевых социологиях, так и в теоретической социологии [4, с. 149-155].

В-третьих, это веберовское определение социологии через методологию, а не через предметную область, что в целом характерно для немецкой социологии начала XX века [5, с. 182]. Так, например, разграничивая социологию и историю, М. Вебер обращается не к предметной составляющей, а прежде всего к методологии наук: «Социология образует типовые понятия и ищет общие правила протекания событий. В отличие от истории, которая стремится к причинному анализу индивидуальных, культурно значимых действий, образований, личностей» [20, S. 9]. Также он выделяет общий предмет всех социальных наук: «Социальная наука, которой мы хотим заниматься, есть наука о действительности. Мы хотим понять окружающую нас реальную жизнь, в которую мы поставлены, во всем её своеобразии – понять связь и культурное значение её отдельных явлений в их сегодняшнем виде, с одной стороны, основания и причины их исторически *Так – и – не – иначе – Ставшего – Бытия – с другой*» [19, S. 170]. Эти две теоретико-методологические особенности веберовской исследовательской программы характерны и для теорий рационального выбора. Появившись как исключительно экономическая теория, ее отдельные методологические принципы применяются как в общей теоретической социологии, так и в отраслевых социологиях (в особенности в экономической социологии и социологии организации). Показательной является также попытка определения методологических возможностей теорий рационального выбора в рамках структурно-функционального анализа известным американским социологом Н. Смелзером [17, p. 381-410].

Четвертая значимая общность обоих подходов состоит в принципиальном антипсихологизме, выраженном в стремлении к автономии социально-научного объяснения по отношению к психологии, которую М. Вебер относит к естественным наукам как в онтологическом, так и гносеологическом аспектах [20, S. 9]. Вебер отмечает, что «лабораторная» психология не направлена на изучение смыслового содержания действующих субъектов, она, как и политическая экономия, направлена на выработку объективных законов, что в большей степени относится к естественнонаучному познанию. Однако он оговаривается, что «понимающая» психология может быть важным подспорьем для социологического объяснения «иррационального», но это не меняет концептуального соотношения социологии и психологии [Ibidem].

Пятая, и особенно значимая, общая черта – это методологический и аналитический приоритет целерационального действия для понятийного толкования и причинного объяснения социальных действий акторов как в веберовской исследовательской программе, так и в теориях рационального выбора. В центре логико-ситуационного анализа веберовской методологии находится объективное понимание смысла «правильного» рационального действия [19, S. 435], которое, как считает один из виднейших и последовательных представителей теорий рационального выбора, автор «интегральной» социологии Х. Эссер, независимо от всех субъективных и психологических идей [9, S. 388].

Однако, несмотря на целый ряд общих черт, веберовская концепция рационального действия критикуется отдельными представителями [13, S. 47-91] теории рационального выбора в следующих аспектах.

1) Критика концепции целерационального действия, которое в социологии Макса Вебера выступает лишь в эвристическом контексте, а не в эмпирическом и не в онтологическом. Действительно, как отметит

П. П. Гайдено, «наука не может, согласно Веберу, отправляться от эмпирического факта: она должна создавать себе идеализированное пространство. Таким “пространством” является для социологии целерациональное действие» [2, с. 61]. В то время как в теориях рационального выбора целерациональное действие выступает универсальной эмпирической теорией человеческого действия, то есть из универсального положения, что индивиды действуют рационально, руководствуясь своими эгоистическими интересами и желаниями.

2) Как представителю исторической школы политэкономии, Веберу вменяется «сужение целерациональности к рациональному выбору действующего в параметрической ситуации и к игнорированию абстрактной теоретической проблемы конструирования социального порядка» [13, S. 85]. В отличие от моделей представителей теорий рационального выбора, которые, исходя из «априорного» положения о стратегическом рациональном действии, и раскрывают логику интерденденции между акторами, Вебер акцентирует внимание, согласно мнению критиков, на градации степени рациональности действия.

Действительно, социальные организации и институты (такие как государство, Церковь и т.д.) не имели бы, как считает М. Вебер, длительного существования в социологическом плане, если бы индивиды не вкладывали смысл в свои действия и не ориентировали его на других людей [1, с. 480]. Задача социологии заключается в сведении таких понятий, как «государство», «феодализм», «товарищество», к понятному действию, что означает сведение к индивидуальному социальному действию [Там же, с. 465], которое детерминировано социальным порядком и «картиной мира», а не рациональными устремлениями акторов. Так, например, он пишет: «Строго рациональное действие... было бы сплошным и полным приспособлением к заданной “ситуации”. Менгеровские теоретические схемы содержат “строгое” приспособление к “состоянию рынка” как само собой разумеющейся предпосылке и иллюстрируют в “идеально-типовой” чистоте следующие из них выводы. История была бы в действительности ничем большим, чем прагматикой приспособления» [19, S. 9].

3) Несмотря на то, что сам М. Вебер в различных своих работах подчеркивает антипсихологизм [20, S.10] социологии как в онтологическом, так и гносеологическом аспектах, представители теории рационального выбора критикуют немецкого социолога за психологическую направленность его работ. Со ссылкой на цитату из «Хозяйства и общества», что «реальное действие протекает в большинстве случаев полусознательно или бессознательно и обусловлено в большинстве своем инстинктами и привычками» [Ibidem], а также опираясь на мнение племянника, последователя и известного интерпретатора М. Вебера, Э. Баумгартена, «поскольку осмысленное социальное действие является предметом изучения веберовской социологии, то он должен большую часть всех социальных действий обозначить как не относящиеся к его теме исследования, так как, по его собственным словам, предположительно 80% действий протекает в полусознательной форме или по привычке (‘традиционно’ обусловленное действие)» [8, S. 603]. Таким образом, заключает З. Норкус, без помощи психологии веберовская понимающая социология не сможет объяснить действия индивидов.

При этом эстонскому профессору явно не интересны ранние индустриальные работы М. Вебера [18], которые заслуживают самые высокие оценки в научных кругах экономистов благодаря применению принципиально нового подхода в экономической науке [11, S. 7]. Как отмечает в данной связи Р. П. Шпакова, именно в этих работах начинается вырисовываться методологический инструментарий веберовской «понижающей» социологии [6, с. 132]. В данных эмпирико-прикладных работах (в рамках деятельности в «Союзе социальной политики») прослеживается как дифференцированная теория толкования (включающая в себя не только понимание прагматики действия, но и понимание интересубъективной мотивации), так и применение теории действия для исследования специфики социокультурных детерминант экономических действий. Так, например, Вебер подробно останавливается на жизненном уровне - вплоть до пищевого рациона - разных социальных групп крестьян, их динамике. Он выделяет не только движение в направлении внедрения капитализма в сельском хозяйстве страны, но и связанное с ним стремление сельскохозяйственных рабочих к экономическому обособлению, отделению от крупных предпринимателей в направлении к индивидуализации [Там же].

Все эти аспекты творчества Макса Вебера остаются за рамками сравнительного анализа З. Норкуса. В данной связи следует отметить в целом селективный характер интерпретации теоретико-методологических основ творчества Макса Вебера представителем теории рационального выбора. В данном случае, по выражению Ю. Н. Давыдова, берутся отдельные понравившиеся или, наоборот, не понравившиеся аспекты веберовских работ и используются в своих научных (а часто и околонучных) интересах. При этом «аутентичное прочтение Вебера» [2, с. 136] остается в таких работах как бы «за скобками». Так и в большинстве работ представителей теорий рационального выбора критика направлена на выборочные аспекты теории действия Макса Вебера, то есть на фрагмент из «типологической стенограммы» действия из первой главы «Хозяйство и общество», вне контекста конкретных эмпирических работ (исторических, культурологических, религиозных и политических), представленных во второй части первого тома, не говоря уже об упомянутых ранних работах и методологических статьях.

В методологии М. Вебера следует рассматривать взаимосвязь структуры и события, истории структуры и истории события. Поэтому В. Шлухтер говорит о «социологизации истории и, соответственно, историзации социологии» [15, S. 259] в учении немецкого социолога.

Из игнорирования универсально-исторических работ вытекает одномерное восприятие теории действия, когда ценностно-рациональное действие рассматривается как ограниченное по шкале рациональности по отношению к целерациональному. Действительно, М. Вебер пишет о методологическом приоритете целерационального действия в «Основных социологических понятиях и категориях», однако исключительно с точки зрения понимания интересубъективного смысла и объяснения ориентации действующего.

В данной связи В. Шлуктер обоснованно отказывается от параметрической интерпретации веберовской теории действия по шкале рациональности, которой он придерживается в своих ранних работах [Ibidem, S. 192], и переходит на дуальную типологию рациональности, в которой ценностно-рациональное и целерациональное действие выступают равнозначными типами рациональности целей-максим и норм-максим в традициях неокантианства. Также веберовские исследования протестантизма говорят в пользу того, что ценностная и целевая рациональности являются равнозначными принципами как в эвристическом, так и онтологическом аспектах.

В заключение следует отметить, что, несмотря на ряд общих, значимых черт, выделенных в «теории рационального выбора» и веберовской исследовательской программе при анализе экономических феноменов, таких как рациональность, номинализм, антипсихологизм, приоритет методологии, акцент на целерациональности в логико-ситуационном анализе, работы немецкого социолога подверглись эксплицитной и имплицитной критике из-за «идеальной», а не универсальной трактовки рациональности, за параметризацию рациональности, преувеличение роли бессознательных и иррациональных аспектов действия.

Подчеркнем, что критика представителей «теории рационального выбора» концепции рационального действия основывается на селективной интерпретации отдельных, выборочных аспектов творчества М. Вебера, не учитывает ценностных и универсально-исторических аспектов идеального типа как эвристического средства, игнорируются историко-генетические и социокультурные исследования ученого. Основные социологические категории экономической деятельности могут быть в полной мере раскрыты только под углом зрения социальной структуры экономических институтов. Обращение к веберовским исследованиям истории религии (и, прежде всего, к истории хозяйственной этики мировых религий) показывает также, что, помимо социально-структурного контекста, не менее значимым для Вебера является культурный и культурно-исторический контексты экономического действия в рамках общей концепции возникновения западноевропейского капитализма и рационализма. Такая постановка проблемы предполагает не только изучение логики развития той или конкретной общественной сферы, но и их взаимосвязь.

В свете современных диффузионных теорий капитализма, смещающих ракурс от условий возникновения и существования капиталистического способа хозяйствования в направлении исследования внутренних и внешних источников изменения многообразных истоков рационального экономического действия, веберовская, как пишет И. Винкельман, «структурная феноменология универсальной истории» [21, S. 9], рассматривающая взаимосвязь структуры и события, истории структуры и истории события с точки зрения действующих индивидов, может быть одним из продуктивных подходов к решению таких проблем.

Список литературы

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX – начала XX века / под ред. В. И. Добренькова. М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. С. 455–490.
2. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. Изд-е 2-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 368 с.
3. Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1. С. 76–89.
4. Катаев Д. В. Категориально-понятийный аппарат социологии Макса Вебера в теориях организации и управления // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Культурология». 2008. Вып. 9. № 32 (133). С. 149–155.
5. Кон И. С. История буржуазной социологии XIX – н. XX века. М.: Наука, 1979. 344 с.
6. Шпакова Р. П. Макс Вебер и Владимир Ленин: аграрный вопрос (1892–1893) // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 129–137.
7. Allerbeck K. Zur formalen Struktur einiger Kategorien der verstehenden Soziologie // Kölner Zeitschrift für Soziologie. 1982. № 34. S. 665–676.
8. Baumgarten E. Max Weber. Werk und Person. Tübingen: Mohr, 1964.
9. Esser H. Situationslogik und Handeln. Frankfurt am Main: Campus, 1999.
10. Hedstrom P., Swedberg R. Rational Choice, Empirical Research, and the Sociological Tradition // European Sociological Review. 1996. Vol. 12. № 2. P. 127–146.
11. Knapp G. F. Verhandlungen der am 20. und 21. März 1893 in Berlin abgehaltenen Generalversammlung des Vereins für Sozialpolitik. „Referat“ in Verein für Sozialpolitik. Leipzig: Duncker und Humbold, 1893. 867 S.
12. Morlok Ch. Eine kleine Soziologie des Grenznutzes // Albert G. Aspekte des Weber-Paradigmas. Festschrift fuer Wolfgang Schluchter. Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwissenschaften, 2006. S. 126–144.
13. Norkus Z. Handeln, soziale Ordnungen und sozialwissenschaftliche Erklärung: Max Weber und Rational Choice // Max Webers Grundbegriffe / hrsg. K. Lichtbau. Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwissenschaften, 2006. S. 47–91.
14. Norkus Z. Max Weber und Rational Choice. Marburg: Metropolis, 2001. 576 S.
15. Schluchter W. Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus. Eine Analyse von M. Webers Gesellschaftsgeschichte. Tübingen: Mohr, 1979. 280 S.
16. Schluchter W. Handlung, Ordnung und Kultur: Studien zu einem Forschungsprogramm im Anschluss an Max Weber. Tübingen: Mohr, 2005.
17. Smelser N. The Rational Choice Perspective // A Theoretical Assessment, Rationality and Society. 1992. № 4. P. 381–410.
18. Weber M. Die Lage der Landarbeiter im ostelbischen Deutschland // Max Weber Gesamtausgabe. Tübingen: Mohr, 1892. S. 18–1057.
19. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen: Mohr, 1968/1973. 588 S.
20. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie // Max Weber. Besorgt von Johannes Winkelmann. Tübingen: Mohr, 1980. 945 S.
21. Winkelmann J. Zur Einführung // Weber M. Soziologische Grundbegriffe. Tübingen: Mohr, 1984. S. 7–16.
22. Wittek R., Flache A. Rational Choice und Organisationstheorie // () Organisationssoziologie / hrsg. J. Allmendinger, T. Hinz. Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwissenschaften, 2002. S. 55–88.

CONCEPTION OF RATIONAL ACTION BY MAX WEBER AND CONTEMPORARY ECONOMIC SOCIOLOGY

Dmitrii Valentinovich Kataev, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Department of Sociology
Lipetsk State Pedagogical University
dmitrikataev@rambler.ru

The author analyzes the common features of Weber's theory of action and one of the representative directions of contemporary economic sociology – "rational choice theory", which explicitly and implicitly refer to the works of the German classic, critically researches the selective interpretation of Weber's research programme in economic sociology, comes to the conclusion about the necessity of the reference to the dual conception of economic action rationality within the framework of the logical-situational analysis of economic action, and basing on economic sociologists' representative texts undertakes an attempt to reveal and substantiate the high analytical potential of Weber's economic sociology.

Key words and phrases: social action; rationality; methodological individualism; rational choice; "understanding" sociology; goal-oriented rational action; value-rational action; rational choice theory.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье в историческом контексте рассматриваются проекты и идеи «государственного устройства» Кавказа, в которых отразилась приверженность государственных и общественных деятелей Н. С. Мордвинова и А. С. Грибоедова мирному пути освоения края посредством экономического развития, просвещения и правосудия. Авторы акцентируют также внимание на анализе идей кавказских просветителей Мирзы Магомедова, Султан Хан-Гирея, Мирзы Муххамед-Али Казембека и других, сформировавшихся под влиянием русского культурологического процесса. Вместе с тем Мирза Муххамед-Али Казембек выступал как представитель восточной традиции в российской просветительской среде.

Ключевые слова и фразы: просветительская мысль; проекты мирного освоения Кавказа; Н. С. Мордвинов; А. С. Грибоедов; кавказские просветители; экономическое развитие; просвещение; правосудие; М. Казембек; восточная традиция.

Даниял Сайдахмедович Кидирниязов, д.и.н.

Отдел древней и средневековой истории Дагестана

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
daniyal2006@rambler.ru

Кемси Зелимхановна Махмудова, к.и.н., доцент

Кафедра истории мировой культуры и музееведения

Чеченский государственный университет

kemsiz@mail.ru

ИДЕИ «ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЕНИЯ» КАВКАЗА В РОССИЙСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ МЫСЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА[©]

Утверждавшаяся на мировой арене Российская держава в первой половине XIX в. имела безусловные успехи в соперничестве с восточными и европейскими державами за господство на Кавказе. В этой связи Россия встала перед конкретной задачей «государственного устройства» региона.

Развитие научно обоснованных идей по данному вопросу принадлежит одному из выдающихся государственных и общественных деятелей - адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову. Открыто, хотя и в несколько осторожной форме, он выразил в 1816 г. принципиальные сомнения в правильности политического курса Российского правительства на Кавказе в своей записке под названием «Мнение о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силой оружия» [2, с. 148-155]. Дворянский историк Д. Н. Романовский в 1860 г. отметил: «...говоря о системах покорения Кавказа, которым основанием служили способы, подобные тому, чтобы обречь горы и тем преградить воинственным племенам доступ на равнину, для покорения Кавказа предлагалось много систем... Некоторые из других систем предлагались людьми, достойно занимавшими высшие места в нашей правительственной иерархии и которые пользовались общим уважением. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть записку адмирала Мордвинова о способах покорения Кавказа. В записке своей адмирал Мордвинов старается доказать вред употребления оружия и высказывает убеждение, что главным средством для покорения горцев должны служить сношения